

Пророча свое бессмертие в качестве певца Екатерины («Тобой бессмертен буду сам» [Державин 2002: 90]), Державин утверждает именно собственную лично-поэтическую самобытность: поэт-ритор по определению безымянен не только после смерти, но и при жизни.

Таким образом, последовательно возникающие в «Видении мурзы» «ночные» размышления и видения, очевидно, не являются традиционными для предромантизма вестниками «иного» мира. Ночь здесь – сигнал *лиризма*. Ночное размышление представляет этот лиризм атрибутом суверенной личности поэта-дворянина. А лиризм «видения» – «необходимо-свободная» форма восприятия поэтом «Фелицы», лично-стно равной и духовно родственной ему.

Литература

Державин Г.Р. Сочинения / Г.Р.Державин / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Г.Н.Ионина. СПб., 2002. – 712 с.

Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвещение / Ф. Йейтс. – М., 1999. – 496 с.

Карельский А.В. Немецкий Орфей / А.В.Карельский. – М., 2007. – 618 с.

Лесскис Г.А. Пушкинский путь в русской литературе / Г.А.Лесскис. – М., 1993. – 524 с.

Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма / Л.В.Пумпянский // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – 864 с.

Образ Екатерины II в художественном сознании Г. Державина: вербализация и визуализация

А.В.Кистанова

Херсонский государственный университет, Украина
(Херсон)

Ключевые слова: аллегория, рисунок, текст, эмблема

Жизнь российского царствующего дома в XVIII веке тесно связана с аллегориями и эмблемами. В русскую культуру эмблема приходит в начале столетия и сразу становится востребованной для организации церемониальных мероприятий царского двора, в декорировании усадеб и парков, в живописи и архитектуре, театральном искусстве и литературе. Исследователями отмечен определенный панэмблематизм культуры русского XVIII века [Григорьева 2005: 83]. На рубеже XVIII – XIX столетий эмблематика, укорененная в художественном сознании, реализуется в творчестве как сознательно, так и как проявление культурной памяти, выражаясь в поэтических

текстах аллюзиями на эмблемы и отдельные их элементы. Осознанное обращение к эмблематике демонстрирует Г. Державин, стремящийся визуализировать поэтический текст. Замысел поэта был позже осуществлен в Собрании сочинений, изданном Я. Гротом.

Интермедиальность державинского творчества стала предметом изучения Е. Данько, Е. Петровой, Т. Смоляровой, а эмблематичность, отмеченную еще Ф. Буслаевым, исследовали А. Махов, Е. Григорьева. Были обозначены основные векторы взаимодействия рисунка и поэтического текста, но детальный анализ державинских стихотворений и прилагаемых к ним виньет остается делом дальнейших штудий. Цель данной статьи – выявить специфику вербального и визуального образа Екатерины в художественном сознании Г.Р.Державина, проследить связь текстовой и изобразительной компоненты.

Так, традиционалистское художественное сознание эпохи, мыслящее готовыми образами, представляло Екатерину II в облике Минервы, с атрибутикой правосудия, законности и власти. Эта линия изображения императрицы фиксируется Г. Державиным в его стихах и рисунках к ним. Так, в оде «На отсутствие ее величества в Белоруссию» (1780) начальная виньета изображает Екатерину в образе римской богини, «с копьем и щитом в руках» [Эмблемы 2000: 40], сопровождаемую аллегорическими фигурами Человеколюбия и Истины. В содержательном аспекте рисунку соответствует 4-я строфа стихотворения, практически полностью дублирующая содержание текста.

Рисунок к оде «Изображение Фелицы» (1789), в противоположность названию, также изображает императрицу как Минерву, расширяя, тем самым, границы текста. Аллегорическая картина в основном совпадает с 6–7-й строфами оды: Екатерина одета в «доспехи, брони златы», на ней блистает «пернатый шлем», зефиры-путто развевают ее волосы. Под всадницей крутится «белый бодрый конь», а Россия в виде седого старика Норда (Севера), «падши на колена», подносит ей скипетр и венец. На рисунке присутствует и аллегорическое изображение военной славы – трофейное оружие и лавровый венок, который в сочетании с образом орла читается как победы русского оружия под предводительством российской Минервы. Финальная виньета также представляет собой аллегорическое изображение доминирующего положения России на политической арене эпохи (победы над Турцией и Швецией) и прямо соотносится с 47-й строфой стихотворения: «На серебролунно государство / Простри крылатый, сизый гром; / В железнокаменное царство / Брось молнии и поставь вверх дном; / Орел царевнин бы ногою / Вверху рога луны сгибал; / Тогда ж бы на земле другою / У гладна льва он зев сжимал» [Державин 1864, 1: 291-292].

Божественная природа императрицы, обусловленная сакрализацией монархов, свойственной русской одической поэзии, также отрефлексирована в «семиотическом

проекте» (Т. Смолярова) Г. Державина. Так, в «Кантате» (1789) начальная виньета представляет изображение «российского божества, означающее все добродетели и все достоинства» [Державин 1864, 1: 306]. На рисунке изображена женская фигура, полулежащая на пьедестале, представляющая, судя по внешнему облику и атрибутике, российскую монархиню. Шлем на ее голове символизирует военные дела, лавровый венок – военную славу, «руль правления» – власть, лира в руках – любовь к искусствам и наукам, сидящий рядом орел – Россию. Таким образом, хотя императрица и не названа прямо, рисунок связан с текстом кантаты посредством темы стихотворения – похвал Екатерине, которые расточает поэт: «Щедрот источник, Россов радость, / Посланница и друг небес» [Державин 1864, 1: 305], «О наша мать! сердец царица! / О ангел, а не человек! / О кротка Севера денница! / Сияй и озаряй нас ввек» [Державин 1864, 1: 306]. Божественная природа императрицы, заявленная в рисунке, акцентируется и в тексте кантаты: «ангел, а не человек».

Эту же тенденцию наблюдаем в рисунке к оде «Надгробная императрице Екатерине II» (1796), где монархиня представлена в образе «бессмертного луча, начало свое в вечности имеющего» [Державин 1864, 1: 790], который освещает эмблематические «полсвета», а крылатые Гении, обладающие атрибутикой военного дела, наук и художеств, украшают этот луч цветами. Виньета в концовке оды визуализирует образ Екатерины как справедливой законодательницы посредством эмблематики: на рисунке изображены весы, которые «основанием своим имеют блистательный источник правоты» и книга, символизирующая свод законов, увенчанная масличным венком («благодетельный успех»). В оде «На кончину императрицы Екатерины II и восшествие на престол императора Павла I» (1799) часть начальной виньеты аллегорически изображает душу монархини в облике молодой крылатой женщины, возносящуюся к открывшейся на небесах двери, представляющей, по слову поэта, «недра бессмертия».

Образ императрицы коррелирует с образом Бога и в оде «Фелица» (1782), где она демиургически творит «свет из тьмы», освещает равно праведных и грешных, у ее трона «добродетели сияют». Рисунок к оде, по замыслу Г. Державина, должен был представлять орла, встречающего царевича Хлора при храме мудрости и бессмертия. А. Оленин, автор виньеты, сохраняет образ сияющего храма на горе и орла как геральдического символа России, но вводит в изображение образ Фелицы, акцентируя адресата оды. Это позволяет «увидеть» в образе Екатерины не только божественную, но и человеческую природу: «Народ счастливый и блаженный / Великой бы ее нарек, / Поднес бы титулы ей священны; / Она б рекла: “Я человек”» [Державин 1864, 1: 289].

Подобная дуальность в рецепции образа императрицы наблюдается и в стихотворении «Приношение монархине» (1795), где виньета рефлексировала образный ряд поэтического текста. Фелица «с высоты эфирной» благосклонно смотрит на киргизского мурзу, посвящающего ей свою лиру. Рисунок и текст структурированы по вер-

тикали: вознесенная Фелица с аллегорическими атрибутами Екатерины (лавровый венец, руль правления, «полсвета», геральдический орел) и высокой, «небесной» лексикой (Поэзия, истина, Бог, престол, добродетель, «небесная улыбка», благоволение) противопоставляются коленопреклоненному мурзе на фоне выросшего в землю дома, определяемого лексикой земной, mortalной («алчный червь», «гробовые обломки», «прах костей»). Эмблематические элементы функционируют здесь наряду с реалиями и автобиографическими деталями. Так, орел, «терзающий ехидну», аллегория злобы, иллюстрирует строку: «как мне была и есть ты от клевет спасеньем» (в первоначальном варианте – «от злобы ты спасеньем») [Державин 1864, 1: 715], явно имеющую автобиографический характер. И, несмотря на небесную природу императрицы и ее вознесенность по отношению к лирическому субъекту, она все же человек, и, тем самым, близка поэту.

Таким образом, вербальная и визуальная компоненты образа Екатерины II в художественном сознании Г. Державина тесно связаны, но не тождественны. Поэт изображает императрицу аллегорически в облике Минервы, посредством эмблематических образов и атрибутики. Акцентируется ее божественная природа, но элементы автобиографизма и отдельные детали рисунков и текстов позволяют одописцу увидеть в монархине человеческую натуру.

Литература

Григорьева Е.Г. Эмблема: Очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. / Е.Г. Григорьева. – М.: Водолей Publishers, 2005. – 232 с.

Державин Г.Р. Сочинения: в 9 т. : с объяснительными примеч. Я. Грота / Г.Р. Державин. – СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1864–1883. – Т. 1.: Стихотворения. Часть I. – 1864. – 812 с.; Т. 2. Стихотворения. Часть II. – 1865. – 736 с.

Смолярова Т. Зримая лирика. Державин / Т. Смолярова. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.

Эмблемы и символы / Вступит. ст. и комм. А.Е. Махова. – М.: Интрада, 2000. – 368 с.

Гимн Человеку в оде Г.Р.Державина «Бог»

М.В.Небольсина

Академия наук Республики Татарстан (Казань)

Ключевые слова: Державин, ода, Бог, сила человеческого разума

*Державин умер!.. слух идет,
И все молве сей доверяют.
Но здесь и тени правды нет:*